

ким образом, снова разрезав библейский текст. Статьи о Христе и богородице, значительно дополненные сравнительно с ЕЛ-2, не собраны воедино, а читаются (в соответствии с хронологией описываемых событий) фрагментарно — в главах, посвященных правлению императоров Октавиана Августа, Тиберия и Нерона. Хронологическим принципом определяется и место статей о славянах. Статья «О словенском языке и о русском», рассказывающая о расселении славян, и примыкающие к ней статьи о крещении болгар соотнесены с рассказом о императоре Михаиле III (842—867 гг.) и его соправителе, будущем императоре Василии I, ибо дата крещения болгарского царя Бориса и деятельность создателей славянской азбуки Константина-Кирилла и Мефодия приходится на середину шестидесятых годов IX века. Естественно, что тут же помещается и статья о нападении Руси на Царьград, происшедшем, согласно летописи, в 866 году. Сохранение хронологической сетки в статьях по русской истории, наличие нескольких хронологических выкладок — расчетов лет до того или иного события «от Адама» или иной знаменательной даты прошлого⁸⁷ — все это также говорит о хронологии как важном, с точки зрения составителя Хронографа, элементе его труда.

Нам кажется, что эти наблюдения подтверждают взгляд, высказанный еще в процессе анализа композиции Хронографа, а именно мнение, что Хронограф — это жанр исторического повествования; в глазах своего создателя Хронограф — прежде всего «научный», исторический труд. Композиция его, соразмерность частей, их хронологическая соотнесенность, а главное — «фактическая достоверность» (в понимании того времени и доступная по состоянию источников) — вот что было основной заботой составителя Хронографа, его нелегким трудом, с которым он справился, как мы старались показать, мастерски.

Теперь, когда мы привели достаточно фактов, свидетельствующих, что хронист субъективно был не писателем, но историком и именно с историко-познавательных позиций рассматривал свой труд, можно обратиться к другой стороне его творчества — к его литературному мастерству, сыгравшему немаловажную роль в том, что Хронограф стал одним из популярнейших памятников древнерусской литературы XVI—XVII вв.

Редакторская работа составителя Хр. 1512 проходила как бы на двух уровнях: композиционно-сюжетном и стилистическом. Мы уже говорили о композиционных принципах хрониста, о его методах обработки источников: сокращении, пересказе, контаминации. Сейчас же обратимся к собственно стилистической редактуре. Формально и здесь можно говорить о сокращениях, вставках, пересказах, но по существу перед нами один метод — близкий к источникам пересказ, сопровождаемый искусной стилистической правкой: хронист упрощает синтаксические конструкции, заменяет непривычные или устаревшие обороты речи более современными и традиционными, с помощью «микровставок» проясняет текст, делает рассказ более понятным и образным. Приведем несколько примеров изменения текста Хр. Манассии под пером редактора Хр. 1512.

1. Хр. Манассии:⁸⁸ «и убо наветовавшеи на царе сътрясеше душами от страха варварова, злоумие отвръгош(я) и злонравие, и от съвета осташ(я)ся злого и начинания» (стр. 100).

Хр. 1512: «они же, убоявшеся страха варварова, престаша лещь сшивати на юннаго» (стр. 284).

⁸⁷ См., например, Хр. 1512, стр. 253—254, 269, 354 и др.

⁸⁸ Текст Хр. Манассии цитируется с орфографическими упрощениями. В случаях смешения юсов восстанавливается этимологическое чтение; реконструируемые буквы заключаются в скобки.